АНДРЕЙ КОЗЫРЕВ

Дневник одного путешествия

ДЕВЯТЬ КРУГОВ ЖИЗНИ

Андрей Козырев

Дневник одного путешествия. Девять кругов жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24916731
ISBN 9785448546839

Аннотация

Книга Андрея Козырева «Дневник одного путешествия» описывает путешествие человека в глубины собственной души. Сборник построен по принципу «Божественной комедии» Данте Алигьери, все стихи в нём распределены по разделам, соответствующим кругам дантовского ада, чистилища и рая.

Содержание

Дневники рая 7
Круг 1. Детство 7
Мама 7
Рождение человека 8
Земляничная поляна 9
Ночные тени 10
Задворки детства 11
«Мне девять лет. Лежу, болея гриппом…» 11
Круг 2. Природа 13
Ожидание весны 13
«Счастье пахнет веточкой весенней…» 13
Ведьмин омут 14
«Здесь, со старой дачей рядом, у ограды…» 16
«А в доме поселилась Тишина—…» 17
«Деревья пахли небом…» 17
«А дело – только в малом…» 18
«Мир держится на хрусте веток…» 19
«Как мало в жизни надо…» 20
«Цветёт сирень. Спит сельская дорога…» 21
Глина 22
Утренний голос Матери 22
«…И снится, что листва в садах давно опала…» 24

В траве 24
«Порой бывает так: идёшь, идёшь, идёшь…» 25
Ночь на озере 26
«Взгляну в колодец: мрак и глубина…» 27
Последнее тепло 27
Одна осень в раю 29
«Мне мерещится вечер осенний…» 30
«На юг умчалась птиц осенних стая…» 31
«Обычный дождь. Осенний тёплый дождь…» 32
Ожог 33
Душа луны 33
Октябрь 34
«Как хорошо бродить, пути не зная…» 35
«…Но есть такое чувство – чувство снега…» 36
«…А есть своё величие в зиме …» 36
«Снега, снега, снега… В окне белым-бело…» 37
Новогодние стихи 38
«Однажды из-за ветви клёна я…» 39
«Зимой стала жизнь чёрно-белой картинкой…» 40
Наедине с Зимой 41
Крещение 41

«Как экстрасенс, Зима…» 43
Круг 3. Молитвы 46
Небесному хранителю 46
«Утоли мои печали…» 47
Давид поёт Саулу 48
Саул молчит Давиду 50
Колыбельная для Матери 51
«Волхвы не знали, кто ты и откуда…» 53
«Да будет так, как хочет Бог…» 54
«Качнётся полуночный небосвод…» 55
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Дневник одного путешествия
Девять кругов жизни

Андрей Козырев

© Андрей Козырев, 2017

ISBN 978-5-4485-4683-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дневники рая

Круг 1. Детство

Мама

Века проходят. Звёзды в небе гаснут.
Вращается вселенной колесо.
Сквозь круг забот, тяжёлых и прекрасных,
Младенца мама на руках несет

Одна, одна – среди миров, созвездий,
В немодном платье, старых башмаках,
С желаньем быть всегда с ребёнком вместе,
Взять на себя его тоску и страх.

В её душе – мечты о новом платье,
Заботы о зарплате, о еде…
И вечное предчувствие распятья
Родного сына, знанье о беде.

Я – тоже сын… И рос в твоём тепле я..
И то, что в строчках, чистых, без вранья,
Я, может быть, тебя сейчас взрослее,

Прости мне, мама, девочка моя…

Ты, мама, вечна… Я шепчу упрямо,
Не зная, что такое благодать:
Скажи мне, мама, объясни мне, мама,
А можно – хоть чуть-чуть – не умирать?

А ты молчишь… Ты в жизни неприметна…
Но, чтоб забыть про суету и зло,
От холода космического ветра
Лицо я спрячу в мамино тепло.

Рождение человека

Я тоже в невесомости летаю.
Пока лишь девять месяцев – мой век —
Я в корабле межзвёздном обитаю
С названьем не «Союз», а «Человек».

Мне снится мир, где свет царит, движенье,
Где бесконечны радость и уют,
Где, как в театре после представленья,
По номерку мне счастье выдают…

Огромный Ад земной. Палата десять.
Кто это в белом – ангел или бес?
На землю я рождаюсь, в поднебесье,

Из космоса, из рая, из небес!

Привет, Земля! Смотрю вперёд я смело,
Хоть с этой жизнью мало я знаком…
И на руки меня взял ангел белый
И наградил увесистым шлепком.

Земляничная поляна

Мне было от рожденья восемь лет,
Когда большими детскими глазами
Я видел яркий, золотистый свет,
Зелёный луг, украшенный цветами,

Шмелей, лесные травы без конца,
Цвет красных ягод, солнечные блики,
Улыбку мамы, ясный взгляд отца
И чувствовал вкус спелой земляники…

Я шёл с отцом по узкой тропке вдаль…
Но незаметно пролетели годы,
И взрослой жизни опыт и печаль
Меня отгородили от природы.

Воспоминанья навевают грусть,
Но в сердце всё же теплится надежда:
Когда-нибудь я в детство вновь вернусь

И буду чист и радостен, как прежде…

Я вспоминаю золотистый свет,
Вкус земляники – и невольно плачу…
А на поляне светлых детских лет
Какой-то «новый русский» строит дачу.

Ночные тени

Воспоминание из детства

Открылся вновь ночной театр теней.
Следит насторожённый взор ребёнка,
Как движется неясный контур тонкий
По светлой шторе, делаясь черней…

Чья это тень? Быть может, великан
Глядит в окно и говорит невнятно:
«Ты кто? Ответь!» Скользят по шторе пятна,
Но нет ни звука, словно всё – обман…

И дом пещерой кажется ребёнку,
И спрашивает он у тьмы негромко:
Что скрыто за движеньями теней?

Когда бы тени рассказали сами!…
Они молчат… Но слышен голос мамы:
«Деревья это… Засыпай скорей!»

Задворки детства

Задворки детства. Знаешь, это просто—
Вернуться в детство бабочкой, цветком…
Там нет ни боли, ни боязни роста.
И Жизнь идёт по лужам босиком.

Уютен двор. Под небом белым-белым
Развешено бельё. Котёнок спит.
Арбузной коркой детство захрустело,
Арбузной коркой радуга стоит.

А из окна отец покличет сына…
Ты побежишь к нему. И дни тихи…
А белый лист бумаги выгнул спину
И знает, что вот-вот пойдут стихи.

«Мне девять лет. Лежу, болея гриппом…»

Мне девять лет. Лежу, болея гриппом.
Читаю книгу. Боль во мне не спит.
Я кашляю с глухим и горьким скрипом:

Поэзия мне душу бередит.

Вот «выхожу один я на дорогу» —
Читаю в первый, самый трудный раз.
Дом тих и пуст. Пустыня внемлет Богу.
И небо смотрит миллионом глаз.

Пока есть время мучиться, играя.
Придет пора – я встану и пойду
Туда, в Другую Жизнь, в простор без края,
Не зная, где я – в небе иль в аду.

И будет всё: ошибки и паденья,
Стихи, молчанье, чёрный небосвод,
Снега, снега – и звёзд высоких тени,
И путь, зовущий нас идти вперед.

Я оступлюсь, и упаду, и встану,
И всё пойму, и всё благословлю —
И эту жизнь, и боль, и кровь, и рану,
И всё, что я любил и полюблю.

Потом – умру…
Горячий лоб в тревоге
Потрогав, мне компресс кладут на грудь…
…И снова выхожу я на дорогу,
В неизмеримый, страшный, вечный путь.

Круг 2. Природа

Ожидание весны

Весна приходит не по расписанью,
А позже, словно школьник на урок.
Лежит сегодня снег на крышах зданий
И на асфальте городских дорог.

Но всё-таки, следя за снегопадом,
Недолго мне осталось тосковать:
Весна, как воин, спряталась в засаде,
Чтоб зиму на заре атаковать.

И верю я: наступит время скоро,
Когда, устав от войн, тревог, атак,
Зима весне пошлёт парламентёров
И выбросит метели белый флаг.

«Счастье пахнет веточкой весенней…»

Счастье пахнет веточкой весенней,
Почкой, что ещё не распустилась,

Розовой цветущею сиренью,
Что дарована, как Божья милость.

И, как будто молния на куртке,
Лента Иртыша вновь расстегнулась,
И весенний смех, живые шутки
Потекли по тонким венам улиц.

Словно почки, набухают песни,
Словно снег, сошла с души усталость…
Жизнь прекрасней стала, интересней…
Но весне так мало дней осталось!

Счастье было так непрочно, зыбко,
От него в душе остались тени…
Только пахли слезы и улыбки
Этой чистой веточкой весенней.

Ведьмин омут

Зарисовка

Весной природа вырвалась из плена.
Настало время таянья снегов.
Стоят в воде деревья по колено,
Выходят реки вновь из берегов.

И над землёй весенней так бездонна,

Так бесконечна неба синева!
А на лугах, где солнце светит сонно,
Желтеет прошлогодняя трава…

А у реки, где сосны – словно стены,
От домиков крестьянских вдалеке,
Стоит в воде весенней по колено
Девчонка в белом ситцевом платке.

Она лицо руками закрывает
И что-то шепчет… Я не слышу слов…
А девушка, что горестно рыдает,
Так незаметна средь больших стволов…

В сосновой роще – темнота и сырость.
И отвожу я в сторону свой взгляд:
Здесь, по легенде, ведьма утопилась
Давным-давно, столетия назад…

С тех пор всё так же солнце светит миру,
И так же разливается река,
И так же в старой роще утром сыро,
И так же синь небесная легка…

«Здесь, со старой дачей рядом, у ограды…»

Здесь, со старой дачей рядом, у ограды,
Яблоня сияет в свадебном наряде.

Яблоня сияет… Но кругом—безлюдно.
Никого. Лишь яблонь белых запах чудный…

Никого? Но что же здесь прошелестело,
Словно кто-то двери отворил несмело?

Что промчалось мимо? Чей-то голос слышен?
Кто-то смотрит в окна? Сердце, тише, тише!

Женщина когда-то здесь жила и пела,
Плакала, любила и в окно смотрела.

Знала ли она боль и просветленье,
Так же ли при ней здесь цвели сирени?

Стала ли она яблоней средь сада,
Потому что жить больше ей не надо?

Чей я слышу голос, кто тихонько плачет?
Яблоня? Иль дождик, льющийся над дачей?

«А в доме поселилась Тишина—…»

А в доме поселилась Тишина—
Вы слышали её? Вы замечали?
С утра, пока все в доме спят, она
Поднимется, прогнав свои печали,

Пройдёт по дому, лёгкою рукой
Коснётся всех вещей, людей коснётся—
И в доме вдруг поселится покой,
И в окна проскользнёт осколок Солнца…

И лишь ребёнок, что уже не спит,
Её заметит, что-то пролепечет—
И Тишина за миг изменит вид,
Оставит прежний образ человечий,

Чтоб лишь в глазах ребёнка, в тех глазах,
Что видели её, навек остались
И Тишина, и синева, и страх,
И состраданье, и любовь, и жалость.

«Деревья пахли небом…»

Деревья пахли небом,
А губы – солнцем алым,
А ветер – теплым хлебом
И счастьем небывалым.

С тобою шёл я тихо
По саду молодому,
И пахла земляникой
Моя тропинка к дому.

Любви ещё не зная,
Не ведая печали,
Я знал, что пахнут раем
Сияющие дали.

…А будущее – кровью,
Невысказанной мукой,
Разлукой и любовью,
Любовью и разлукой…

«А дело – только в малом…»

А дело – только в малом:
Глаза открыть на миг,
Увидеть небо алым,
Понять, как мир велик,

Как пролегли дороги
На север и на юг,
Как средь земной тревоги
Для сердца важен друг,

И мир доступен взглядам,
И в сердце – красота,
И счастье – где-то рядом,
И истина – проста.

Со знаньем небывалым
Пуститься в вечный путь…
А дело – только в малом:
Проснуться – и уснуть.

«Мир держится на хрусте веток…»

Мир держится на хрусте веток,
На шелесте листвы весной,
На детском смехе, летнем свете,
На теплоте тропы лесной.

Мир держится на горьком плаче,
На мёртвом холоде снегов,
На горечи любви незрячей,
На буйстве волн у берегов.

Увы, не может быть иначе:
Растут цветы, и дождь их бьёт,
Смеётся сын, а мама плачет…
А это значит – жизнь идёт.

«Как мало в жизни надо…»

Как мало в жизни надо,
Чтоб сердце зазвучало:
Свет любящего взгляда,
Уста алей коралла…

Как в жизни нужно много,
Чтоб сердце пробудилось:
Бессмертный голос Бога,
Судьбы небесной милость.

И хруст ветвей на тропке,
И звук дождя на листьях…
А век такой короткий,
А небо чисто-чисто.

«Цветёт сирень. Спит сельская дорога…»

Цветёт сирень. Спит сельская дорога.
Я пригоршню небес несу в горсти,
И до конца прочли босые ноги
Евангелие долгого пути.

И солнце сеет зёрна – искры света —
Над всем селом, над зеленью лесов…
Как можно было мне не стать поэтом,
Как запереть мне сердце на засов,

Когда душа открыта всем тропинкам,
Всем лучикам закатного огня,
Сокровищам, что бережёт глубинка
Для Бога, для тебя и для меня?

И, может быть, найду я для России,
По деревенской просеке идя,
Свои слова, простые и живые,
И тёплые, как лужи от дождя.

Глина

За городом я видел в летний час:
В лесу, где солнцем пронзены берёзы,
Старинной глины обнажился пласт
В глубокой, тёмной яме для отбросов.

Была та глина девственно мягка,
Но банки в ней консервные лежали,
Иголки ели, лепестки цветка
И то, что здесь туристы набросали—

Бутылки из-под пива и вина,
Окурки и объедки, горы пыли…
Но, вопреки всему, это она—
Та глина, из которой нас лепили.

Утренний голос Матери

Так иногда бывает: в летний зной
Меня всего охватит вдруг дремота,
И кажется, со мною рядом кто-то,
Ещё мне неизвестный, но родной…

Тебя я слышу, Мать-земля. За лето

Твоё дыханье в сердце мне вошло,
И в голосе твоём, простом, рассветном,
Я слышу бесконечное тепло…

Я тихо сплю, я словно бы ослеп…
Но звонко льются за моим оконцем
Твои слова, шершавые, как хлеб,
И тёплые, как дерево на солнце…

Я их рукой обветренной возьму,
Посыплю ими хлеб, как крупной солью,
И голод утолю, расстанусь с болью,
И верен буду слову твоё му.

А воздух чист, подобно хрусталю.
Как ласков свет! Он льётся с неба робко…
Как пиво, небо в бочку я налью,
Оно забродит, выбивая пробки.

И сладко понимаю я сквозь сон:
Мой старший брат, что не сумел родиться—
Он жив в тебе, ему так сладко спится,
Каким большим, красивым вырос он…

Я чувствую, растаяли тревоги,
Везде Господь, куда ни бросишь взгляд,
И в будущем – все трудные дороги,
Ведущие паломника назад…

«…И снится, что листва в садах давно опала…»

…И снится, что листва в садах давно опала,
Что жизнь давно прошла, лишь плещется волна
Вдали, вдали, вдали… Но сердцу всё же мало
И жизни, и любви, и звёздного вина.

А сердце всё болит, когда глядит на небо,
Где солнце—абрикос средь сливок—облаков,
И хочется туда, где ты ни разу не был,
И хочется идти, идти сквозь глубь веков…

Душа, живи, живи! Наутро мир проснётся,
И радостный июнь коснется глаз твоих…
…А в сердце всё живёт та осень, лучик солнца,
Край неба, край земли, любви последний миг…

В траве

Лежу в траве. Как стебли высоки!
Вечерний свет сквозь зелень их сочится…
Здесь нет земной бессмысленной тоски,
Лишь сквозь зелёный мрак я вижу лица…

Набрасывая лес себе на плечи,
Как мантию, блуждаю в темноте,
И кажется, что живы здесь все те,
Кто сохранился лишь в созвучьях речи…

И слышен голос, белый и густой,
Как молоко, согретое, парное:
«Я жду тебя. Иди, иди за мной,
Иди ко мне, дитя моё земное…»

И звонко, чистым альтом, как дитя,
Я отвечаю: «Нет! ещё не время!»
Но дни пройдут, листву в пыли крутя,
Мечты растают, искренне грустя,
И я приду… приду, отбросив бремя…

«Порой бывает так: идёшь, идёшь, идёшь…»

Порой бывает так: идёшь, идёшь, идёшь
По узкой тропке вверх, на холм, покрытый лесом,
И мелко моросит над тропкой летний дождь,
И занят небосвод покровом туч белесым.

Все просто и светло. Всё знаешь ты давно:

Здесь тропка повернет,
здесь можешь ты споткнуться…
И жизнь скучна, пуста. И жить так суждено,
Пока не даст Господь от жизни нам проснуться.

За шагом – новый шаг. Зачем, зачем идти?
Но надо жить, терпеть, шагать вперед по склону…
Вот под ногами холм. И все видны пути
С открывшихся высот, и ты под небосклоном

Стоишь, царя над всем… И разум твой высок.
Но что это за смесь? Усталость и восторг,
Уродство, красота, и свет, и верх, и низ…
И этому всему мы дали имя – Жизнь.

Ночь на озере

Небо черно, словно шкурка крота,
Звёзды подобны росинкам на шёрстке.
Озеро тихо. Кругом – темнота,
Только в воде звёзд рассыпана горстка.

Слышно, как где-то протяжно и тонко
Песню последнюю спел соловей.
Ветер, как мягкая лапа котёнка,
Нежно касается кожи моей…

Тлеет луна закоптелым огарком,
Веет покоем от стынущих вод…
Грудью малиновки, алой и яркой,
Солнце над озером завтра блеснёт!

«Взгляну в колодец: мрак и глубина…»

Взгляну в колодец: мрак и глубина…
Бадья ушла куда-то в глубь столетий,
Туда, туда, где, скрыта и темна,
Живёт любовь – одна, одна на свете…

А рядом – свет, дощатые дома,
Собака лает, где-то дети плачут…
И кажется, что небыль – эта тьма,
Что воду жизни от прохожих прячет.

Но этот мир развеется и канет,
Когда, войдя в подземные ручьи,
Из глубины веков бадья достанет
Мне горсть прозрачной, ключевой любви.

Последнее тепло

Разноцветна листва над аллеей,

Небосвод бесконечно высок.
Солнце в небе, как персик, алеет,
И течёт нежный солнечный сок.

Осень царствует в неба расцветке,
По-осеннему плачут ручьи,
И державное яблоко с ветки
Упадает в ладони мои.

Скоро счастье, уставшее плакать,
Отразится, как в речке, в судьбе,
И мелькнет чьё-то белое платье
Меж теней на осенней тропе.

И, небес вековой собеседник,
Я забуду всё прежнее зло.
Я пойму: просто Август-наследник
Нам последнее дарит тепло.

Просто солнце на небе устало
И решило в пути отдохнуть.
Просто сердце глядит в небывалый,
Бесконечный, космический путь.

Просто скоро закончится лето,
Просто, видно, земле повезло…
И я выпью небесного света
За последнее в жизни тепло.

Одна осень в раю

Я помню, как в лесном краю
Ко мне с тобой, моя подруга,
Пришла любовь, пришла разлука —
Той первой осенью в раю,

Где каждый новый день с утра
Мы шли по осени, ликуя,
Где горький аромат костра
Слился со вкусом поцелуя,

А после – иней на ветвях,
И дрожь листвы в рассветной сини,
И счастье на твоих губах
С чуть слышным запахом полыни…

Всё это – жизнь… Осенний свет,
На миг мелькнувший между судеб,
Оставил в сердце тихий след,
Что не обманет, не осудит,

И надо мной ладонь простёр,
Задев берёзы, словно струны,
Сентябрь, как мыслящий костёр,
Хранящий пепел Жанны, Бруно.

И я хочу, и я хочу,
Чтоб там, за гранью жизни этой,
Вот так же в безмятежном свете
Лист опускался по лучу,

Чтоб так же, нас сводя с ума,
Листва опавшая шуршала
И ты сквозь вековой туман
Навстречу мне, смеясь, бежала…

…Пусть не осталось и следа
От чувства, как от листопада, —
Осталась песня и баллада,
И за любовь, моя звезда,
Дана нам Осень навсегда, —
Беда, победа и награда.

«Мне мерещится вечер осенний…»

Мне мерещится вечер осенний,
Хоровод облетевшей листвы,
Блики света, внезапные тени,
Пробужденья, прозренья, затменья,
Грусть склонённой моей головы.

Мне мерещатся счастье и вера
И любви самый первый момент,

Первый взор, – и распахнуты сферы,
И доступны мечты и химеры
Сердцу, словно собранье легенд…

В этом мире, что снится и манит,
Где идём мы неслышно с тобой
Вдоль реки, сквозь сырые туманы,
Я каким-то безоблачным стану,
Невечерним, довольным судьбой…

Так и надо, наверно, так надо, —
Спотыкаясь, брести и брести,
Видя свет невечернего взгляда,
Не ища ни хулы, ни награды
В бесконечном небесном пути…

«На юг умчалась птиц осенних стая…»

На юг умчалась птиц осенних стая,
На голых ветках нету ни листа.,
И всё ценней становится простая,
Обыденная в жизни красота:

Осенний воздух, сумрачный, с горчинкой,
И вкус воды из чистых родников,
Живой листвой покрытая тропинка
И туч октябрьских сумрачный покров….

«Обычный дождь.
Осенний тёплый дождь…»

Обычный дождь. Осенний тёплый дождь.
В воде дома и небо отразились,
И ты по небу под дождем бредёшь
И топчешь сапогами Божью милость.

Как это просто – в смерти увидать
Простое удвоение природы,
Когда дома, деревья, неба гладь
Удваивают дождевые воды!

Два города – один ногами вверх —
Друг друга отражают бесконечно,
И в каждом есть свои печаль и смех,
Своя любовь, и вера, и беспечность.

И очень просто можно перейти
Из града одного в другой, подводный,
И, небу прошептав: «Прощай, прости!»,
Пить эту жизнь, как этот дождь холодный…

Ожог

На небе алеет, как будто ожог,
Закатное алое солнце.
Я сам это небо глазами прожёг,
Взглянув в высоту за оконцем.

Там где-то быть должен неведомый Бог.
Сквозь небо пробью я оконце…
А сердце – сплошной незаживший ожог
От взгляда вечернего солнца…

Душа луны

Луна плывёт одна по небу между веток,
Луна – кошачий глаз – глядит из глубины,
И взор её глубок, прозрачен, нежно-меток,
Она своим рабам навеивает сны.

Кому – жестокий ад, кому – усладу рая,
Кому – далёкий путь, кому – уютный дом…
И лишь один поэт в ночи не спит, страдая,
Все сны его слились, все – в образе одном:

Луны кошачий глаз, жестокий и любимый,

Плывёт меж облаков, всю ночь, всю жизнь в пути,
И слышится душе средь лунных клочьев дыма
И горькое: прощай, и нежное: прости!

Октябрь

Октябрь, волшебник неумелый,
Своё ты совершаешь дело
Вдали от взоров, в темноте, —
Колдуешь, маешься, бормочешь,
Листвой шумишь и в чаше ночи
Мешаешь травы злые те,

Что выросли в лесах суровых,
Под снежным сумрачным покровом, —
Они твои, они твои;
Из них ты варишь сердцу зелье—
В нём и тревога, и веселье,
И боль, и свет, и тень любви.

Октябрь, ты правильно ли шепчешь,
Меня ты сгубишь иль излечишь
Отваром мыслей, трав и туч?
Знай: колдовство твоё не вечно,
И вера в магию беспечна,
И для меня ты не могуч.

Но эту чашу поднесу я
К устам, как будто в поцелуе,
Прильну к сосуду, – и во мне
Любовь осенняя родится,
И всё вокруг преобразится, —
Закат, дожди, листва в огне…

«Как хорошо бродить, пути не зная…»

Как хорошо бродить, пути не зная,
По улицам в начале октября,
На шаг от ада, в двух шагах от рая
Стоять, за всё судьбу благодаря:

За этот дождь, забившийся за ворот,
За сигареты траурный дымок,
За то, что ты – любви взаимной ворог —
Сейчас отвержен, брошен, одинок,

Но понимаешь, по теплу тоскуя,
Что нелегки влюблённого дела:
Лишь две судьбы вместят любовь такую,
Одна твоя судьба, увы, мала…

Вместит её один листок бумажный.
За правду ты поплатишься душой.
И ясно знаешь ты, как это страшно,

Как страшно, нелегко… и хорошо!

«…Но есть такое чувство – чувство снега…»

…Но есть такое чувство – чувство снега.
Когда оно вторгается в судьбу,
Бессмысленны забвенье, прелесть, нега,
Бессмысленно вступление в борьбу.

И хочется идти, идти по тропкам,
Покрытым первым ласковым снежком,
Смотреть на небо – тихо, нежно, робко,
Как в царствие, куда ты весь влеком…

И не нужны ни жажда, ни надежда,
Бессмысленны победы и борьба…
Всё очень просто – в белые одежды
Сегодня одевается Судьба.

«…А есть своё величие в зиме …»

…А есть своё величие в зиме —
Когда, махнув рукой на боль и горе,

Ты говоришь: «Прости!» – своей тюрьме,
Ты не желаешь быть с незримым в ссоре,

И просто, отворив земную дверь,
Шагаешь прямо в белое пространство,
Забыв про сотни, тысячи потерь,
Приняв земли пустынное убранство…

Судьба покрыта белой простынёй.
Нет ни вопросов больше, ни ответов.
Есть только Свет – свет над большой землёй,
И ты к нему стремишься, все изведав.

И на кустах пушится бахрома,
И сердце смотрит ввысь, легко, серьёзно,
И пахнет смерть, как ранняя зима —
Серебряно, величественно, грозно.

«Снега, снега, снега…
В окне белым-бело…»

Снега, снега, снега… В окне белым-бело.
Сижу один, молчу… Стараюсь я припомнить
Весь прошлый год – всё то, что было и прошло,
Что пело и цвело… Мой дом – унылый, тёмный —

Затих, и белый пух мерцающих снегов
Его заворожил… Как мог не знать я раньше
Души простых вещей, их кротких, мудрых слов,
В которых нет ни лжи, ни глупости, ни фальши?

И все мои друзья сейчас живут во мне,
Их каждый добрый жест, приветливое слово
Запомнились душе, и где-то в стороне
От суеты земной я очищаюсь снова…

Нет больше ни тоски, ни горечи, ни скверны.
Минута тишины душе так дорога…
И многое ещё смогу понять, наверно,
Пока в окне моём – снега, снега, снега…

Новогодние стихи

Проездом оказался я в раю.
Себя я ощущаю в нём, как дома.
Я в праздничную ночь не узнаю
Мир, с детства мне привычный и знакомый.

Вечерний воздух пахнет тишиной.
Мгновенья счастья тают на ладони,
И на окне квартиры городской
Узор морозный – как оклад иконы.

Иду я на свидание с зимой,
Как в новогодней песне в стиле «ретро»,
А месяц – осторожный спутник мой —
Совсем продрог на небесах от ветра.

Подарки новогодние купить
На ярмарку народ скорее рвётся.
Я знаю: праздник можно подарить,
Но он за деньги нам не продаётся.

На ярмарке – в игрушечном раю—
Детишки в лавках покупают сласти,
А я – без денег – мокрый снег жую,
У снега ощущая привкус счастья.

«Однажды из-за ветви клёна я…»

Однажды из-за ветви клёна я
Увидел из окошка дома,
Что счастье, тёплое, зелёное,
Везли по городу седому.

Везли рассвет, арбуза розовей,
И ночь, и запах трав летучий,
И месяц, острою занозою
Застрявший в грозной, тёмной туче.

Везли шершавый воздух ласковый,
Что, как щенок, спит ночью чутко:
Дотронься – вздрогнет… Пахло сказкою
И лугом в синих незабудках.

Я помню: в дни зимы холодные,
Когда всё к людям безучастно,
То были ели новогодние—
Под корень срубленное счастье.

«Зимой стала жизнь чёрно-белой картинкой…»

Зимой стала жизнь чёрно-белой картинкой.
Я комкаю счастье в руке,
Как свой черновик. А слова, как снежинки,
Растаяли на языке.

Зима, на меня не смотри с укоризной!
Ты знаешь, как слаб человек…
Меж жизнью и смертью, меж смертью и жизнью
Всё падает, падает снег…

Наедине с Зимой

Ночь зимняя печальна и темна,
И в темноте я слышу рёв мотора,
А в небесах огромная луна—
Как жёлтый глаз большого светофора.

Она сигналит: «Приготовься! Стой!» —
И я стою, как пешеход обычный,
А звёзды мчатся вскачь большой толпой
По Млечному шоссе путём привычным.

Всё кончено! Бороться я устал!
Пусть дымка заволакивает дали,
А ветер, злой, холодный, как металл,
Скользит по коже лезвием из стали!

У чёрного окна который час
Стою я, ожиданьем утомлённый.
Луна, как светофора сонный глаз,
Цвет с жёлтого не сменит на зелёный.

Крещение

На Крещенье ударил мороз.

Опустели дворы, переулки.
Ветер щиплет ресницы до слёз
На минутной случайной прогулке.
Только в небо направишь свой взгляд —
Снегопад, словопад, стихопад.

Приутих прежний шум, маета.
В полумраке сверкает реклама.
Небо синие сжало уста
Над недавно отстроенным храмом.
И маршрутки снуют по дорогам,
Что ведут, к сожаленью, не к Богу.

Спит и видит отстроенный храм:
Небо льдом в этот вечер покрылось.
И за что от Всевышнего нам
Этот дар – или эта немилость?
Иордань надо в небе рубить,
Чтобы солнце смогли мы крестить.

А в домах – теснота, суета.
Пахнет хвоей неубранных ёлок.
Стол накрыт в честь крещенья Христа,
И собрался почти весь посёлок.
Так и тянет беседы вести
О судьбе, о житейском пути.

Не желая склонять головы,
Мы заводим неспешные речи:

Все мы, в сущности, чьи-то предтечи,
Только чьи – мы не знаем, увы…
Слово за слово – и в диалог
Незаметно вступает сам Бог.

Он вступает неслышно, как снег,
Осыпает слова белой пылью…
Белым-белым вдруг станет навек
Сердце, что было тронуто гнилью.
И в простых покаянных словах —
Белых звёздочек тающий прах.

Но кончается праздничный день,
И становится в доме всё тише.
Город спит, и тяжёлая лень
Не даёт нам сквозь дрёму услышать:
В старый дом, где мертво и темно,
Белый голубь стучится в окно.

«Как экстрасенс, Зима…»

Как экстрасенс, Зима
Души живой коснулась.
Доверчивая тьма
Течёт по венам улиц.

Колдуя в синей мгле,

Спустившейся так рано,
Измученной Земле
Снег обезболит раны.

И хочется опять,
Как некогда, в начале,
Душою приникать
К земле, к любви, к печали.

Услышать тихий зов
Деревьев, птиц, животных,
Вновь изучить с азов
Науку быть бесплотным.

Не отвращать лица
От неба в снеге белом,
В мелодии Творца
Звучать простым пробелом.

И что-то оживёт
На дне простого сердца,
Взволнует, запоёт,
Откроет к счастью дверцу.

То белый, белый свет
Листа в моей тетради.
То белый, белый след
Седой височной пряди.

То белый, белый нимб
Над головой святого,
То белый, белый дым
В конце пути земного.

Круг 3. Молитвы

Небесному хранителю

…Но зачем, объясни мне, зачем
Я ищу, спотыкаюсь, терзаюсь,
Трачу жизнь на решенье проблем,
Что бессмертны, грешу, снова каюсь,
И мечтаю о странах иных,
Где мерцают нездешние пальмы,
Где бессмертен прозрения миг,
Где заря простирает к нам пальцы?

Там, в оазисах знойных пустынь, —
Тишь, прохлада, души очищенье,
Там – дыхание южных святынь,
Ярок свет, упоительны тени;
Там в шатре, под напевы веков,
Мне расскажет, как сводному брату,
Тайны жизни, секрет вещих снов
Император с руками в стигматах.

Но я – здесь, и поверь мне, поверь,
Мне не жалко, что я не сумею
В этом мире, где много потерь,

Вновь припасть к роднику чародея,
Не пройду по загробным пескам,
Не увижу миров, что чудесны…
Но Тебе посвятил я свой храм,
И к Тебе – слово, дело и песня.

Быть собой – значит жить для Тебя,
Потрясать своё сердце сияньем
С гор Твоих, и, в дороге скорбя,
За друзей восходить на закланье;
За отчизну, за ангельский дом,
Отдавать всё, что дорого, мило;
Только так сердце пышет огнём,
Только в этом – бессмертье и сила.

Я со шпагой своей выхожу
Против пушек и ядерных боен,
Взором смело и твёрдо гляжу:
Ты со мной – и я вечно спокоен.
Ты не бойся, Отец, за меня:
Не предам я Тебя, твердо знаю,
Ни в ночи, ни в сиянии дня,
Я, – поэт, человек, плоть земная.

«Утоли мои печали…»

Утоли мои печали

Светом солнечного дня,
Стуком маленьких сандалий
На дорожке у плетня,

Детским смехом, чистым взором,
Не спешащим разговором,
Красотой всея Земли
Жажду жизни утоли.

Дай мне, жизнь, поверить в Бога,
Что всегда сильнее зла,
И в придачу – хоть немного
Человечьего тепла.

Дай приют, что мне не тесен,
На столе – огонь свечи,
И ещё – немного песен,
Мной написанных в ночи.

Дай мне верные ответы
В споре памяти с судьбой,
И ещё – немного света,
Сотворённого Тобой.

Давид поёт Саулу

Не знаю я, кто ты, не помню, кто я, —

Пастух? Псалмопевец? Воитель? Судья?
Охотник я или добыча?
При виде твоём сквозь простор бытия
Я вижу, как стая летит воронья,
Меня призывая и клича.

Когда я смотрю в эти злые глаза, —
Так в бездну, откуда вернуться нельзя,
Взирает архангел из рая, —
Я верю, зовет меня Божья стезя,
И я на неё уповаю.

Ведь, если я в этих очах утонул,
Внимая тот грозный и благостный гул,
Что слышат порочные души, —
Я верю: Господь и туда заглянул,
Чтоб я Его след обнаружил.

Цепочка следов сквозь столетнюю грусть
Протянется – ведаю я наизусть,
Кто сквозь эту душу промчался;
Темна, но прозрачна душа твоя, царь,
И я объясню, как дозволено встарь,
Что жил в ней Господь – и скитался.

Он ходит по нашим пустынным сердцам,
Он – нищ, Он – гоним, Он – тесним без конца,
Он ищет приют, словно сын без отца,
В твоём – и в моём бедном сердце.

Я пел, силясь горький твой дух побороть —
Струны моей тропкой прокрался Господь
Из совести – в разум, из разума – в плоть,
Из плоти – в меня, псалмопевца.

Саул молчит Давиду

Да, отрок, пастух, псалмопевец, пророк,
К тебе перешёл мной накопленный Бог,
В тебе он поёт и рыдает;
Чтоб громче рыдал он, звучал в тишине,
Копьём я тебя пригвождаю к стене,
Как Бога, что прежде таился во мне,
А ныне – тебя опаляет:

Ты знаешь, как горько, страдая в пути,
В себе потаённого Бога нести,
Как всё выжигает он в сердце?
Он вечен, он нищ, он настолько велик,
Что каждый – младенец, и муж, и старик —
Вмещает его не в молитву, а в крик —
Крик жизни, крик страсти, крик смерти.

Не бойся копья, не рыдай у стены,
Не трогай напрасно последней струны, —
Ведь пальцы на струнах преступно пьяны
Судьбой бесприютных скитальцев…

И, чтоб возвеличилось дело твоё,
Пронзая ударом насквозь бытиё,
Я жизнь выпускаю, как будто копьё,
Из царских, из воинских пальцев.

Колыбельная для Матери

Я звезда. Тебе пою я песню,
Мать Христа.
Средь извечной темноты небесной
Я чиста.

Спи спокойно. Ты узнаешь вскоре,
Что в веках
Будут, будут слезы, будет горе,
Будет страх.

Будет, будет чёрное распятье
Рваться ввысь.
Ты – терпи, и, утешая братьев,
Верь, смирись.

Вспомни, вспомни голую пустыню,
Ночь, меня.
Вспомни, как кормила грудью сына
У огня.

Радуйся и пой под шум метели,
Будь живой
И над гробом, как над колыбелью,
Тоже пой.

Век пройдет, пройдет тысячелетье,
Жизнь и смерть.
Так же будут плакать в мире дети,
Мамы – петь.

Так же будут жертвы приноситься
На крестах.
И в сердцах людей продолжит биться
Тот же страх.

Знаешь, в мире звёзд страданье то же.
Мы горим…
О, не дай нам, превратиться, Боже,
В горький дым!

Плачут реки, горы, океаны,
Небосвод…
«Или, или, лима савахфани!» —
Мир поет.

Пой младенцу, пой живую песню
В темноте,
Чтобы, к звёздам вознесясь небесным
На кресте,

Вспомнил он твои простые звуки,
Песнь небес,
Вынес все назначенные муки
И воскрес.

«Волхвы не знали, кто ты и откуда…»

Волхвы не знали, кто ты и откуда,
Когда несли дары тебе, когда
На небосклоне времени, как чудо,
Зажглась твоя бессмертная звезда.

Тебе же предстоит расти душою,
Вбирать в себя всю мудрость прошлых лет,
Чтоб сделать жизнь прозрачною, большою,
Чтоб над людьми мерцал твой звёздный свет.

Живи. Расти. Когда-нибудь, о Сыне,
В саду стерев со лба кровавый пот,
Ты вспомнишь ночь в заснеженной пустыне,
Где ты рождён для бедствий и невзгод.

Да будет так. Свершится воля Божья.
И крест, и вознесенье – впереди.
Звезда, веди волхвов по бездорожью,
Открой им все грядущие пути.

Но лишь когда над каменной пустыней
Возвысятся кровавые кресты,
Волхвы увидят смерть твою, о Сыне, —
Да будет так, – они поймут, кто Ты.

«Да будет так, как хочет Бог…»

Да будет так, как хочет Бог:
Суров скитания итог.
И ты, переступив порог,
Не зажигай огня.
Войди в тот дом, в котором ты
Узнал стремленья и мечты,
Взгляни в себя из пустоты
Законченного дня.

Во тьму, как в зеркало, вглядись:
Ты понял, что такое жизнь,
Замкнулся путь крестин и тризн,
На плечи давит ночь.
И в темноте не угадать,
Куда идти, к кому взывать,
Но тихой песни благодать
Способна всем помочь.

Взгляни на огонёк свечи,

Перестрадай, перемолчи:
Вот так сгорел и ты в печи
Прошедших буйных лет.
Но за границей естества
Твоя душа всегда жива,
И в памяти всплывут слова:
Да будет в мире свет.

«Качнётся полуночный небосвод…»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.